

**ДРЕВНЕРУССКАЯ
ЛИТЕРАТУРА
и
УСТНОЕ НАРОДНОЕ
ТВОРЧЕСТВО**

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК

Из того ли то из города из Мурома,
Из того села да Карачарова
Выезжал удаленький дородный добрый молодец.
Он стоял заутреню во Муроме,
А и к обеденке поспеть хотел он в стольный Киев-град.
Да и подъехал он ко славному ко городу к Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнано-то силушки черным-черно,
А и черным-черно, как черна ворона.
Так пехотою никто тут не прохаживат,
На добром коне никто тут не проезживат,
Птица чёрный ворон не пролётыват,
Серый зверь да не прорыскиват.
А подъехал как ко силушке великойей,
Он как стал-то эту силушку великуюю,
Стал конём топтать да стал копьём колоть,
А и побил он эту силу всю великуюю.
Он подъехал-то под славший под Чернигов-град,
Выходили мужички да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов-град,
А и зовут его в Чернигов воеводою.
Говорит-то им Илья да таковы слова:
 Ай, же мужички да вы черниговски!
 Я не иду к вам во Чернигов воеводою.
 Укажите мне дорожку прямоезжую,
 Прямоезжую да в стольный Киев-град.

Говорили мужички ему черниговски:

Ты, удаленький дородный добрый молодец,
Ай ты, славный богатырь да святорусский!
Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравила.
А и по той ли по дорожке прямоезжею
Да и пехотою никто да не прохаживал,
На добром коне никто да не проезживал.
Как у той ли то у Грязи-то у Чёрной,
Да у той ли у берёзы у поклапыя,
Да у той ли речки у Смородины,
У того креста у Леванидова
Сидит Соловей Разбойник на сыром дубу,
Сидит Соловей Разбойник Одихмантьев сын.
А то свищет Соловей да по-соловьёму,
Он кричит, злодей-разбойник, по-звериному.
И от его ли то от посвиста соловьего,
И от его ли то от покрика звериного
Те все травушки-муравы уплетаются,
Все лазоревы цветочки осыпаются,
Темны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей — то все мертвы лежат.
Прямоезжею дороженькой — пятьсот есть верст,
А и окольной дорожкой — цела тысяча.

Он спустил добра коня да богатырского,
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Его добрый конь да богатырский
С горы на гору стал перескакивать,
С холмы на холмы стал перемахивать,
Мелки реченьки, озёрка промеж ног пускал.
Подъезжает он ко речке ко Смородине,
Да ко тоей он ко Грязи он ко Чёрной,
Да ко тою ко берёзе ко поклапыя,
К тому славному кресту ко Леванидову.

Засвистал-то Соловей да по-соловьему,
Закричал злодей-разбойник по-звериному,
Так все травушки-муравы уплетались,
Да и лазоревы цветочки осыпались,
Тёмны лесушки к земле все приклонились.
Его добрый конь да богатырский
А он на корни да спотыкается —
А и как старый-от казак да Илья Муромец
Берёт плёточку шёлковую в белу руку,
А он бил коня да по крутым ребрам,
Говорил-то он, Илья, таковы слова:

Ах ты, волчья сыть да и травяной мешок!
Али ты идти не хошь, али нести не можь?
Что ты на корни, собака, спотыкаешься?
Не слыхал ли посвиста соловьего,
Не слыхал ли покрика звериного,
Не видал ли ты ударов богатырских?

А и тут старья казак да Илья Муромец
Да берёт-то он свой тугой лук разрывчатый.
Во свои берёт во белы он во ручушки.
Он тетивочку шёлковеньку натягивал,
А он стрелочку каленую накладывал,
Он стрелил в того-то Соловья Разбойника,
Ему выбил право око со косицею,
Он спустил-то Соловья да на сыру землю,
Пристегнул его ко правому ко стремечку булатному,
Он повёз его по славну по чисту полю,
Мимо гнёздышка повёз да соловьиного.
Во том гнездышке да соловьином
А случилось быть да и три дочери,
А и три дочери его любимых.
Больша дочка — эта смотрит во окошечко косявчато,
Говорит она да таковы слова:

Едет-то наш батюшка чистым полем,
А сидит-то на добром коне,
А везёт он мужичища-деревенщину
Да у правого у стремени прикована.

Поглядела как другая дочь любимая,

Говорила-то она да таковы слова:

Едет батюшка раздольцем чистым полем,
Да и везёт он мужичища-деревенщину
Да и ко правому ко стремени прикована.

Поглядела его меньша дочь любимая,

Говорила-то она да таковы слова:

Едет мужичище-деревенщина,
Да и сидит мужик он на добром коне,
Да и везёт-то наша батюшка у стремени,
У булатного у стремени прикована —
Ему выбито-то право око со косицею.

Говорила-то и она да таковы слова:

А и же мужевья наши любимые!
Вы берите-ко рогатины звериные,
Да бегите-ко в раздольце чисто поле,
Да вы бейте мужичища-деревенщину!

Эти мужевья да их любимые,

Зятевья-то есть да соловьиные,

Похватили как рогатины звериные,

Да и бежали-то они да и во чисто поле

Ко тому ли к мужичище-деревенщине,

Да хотят убить-то мужичища-деревенщину.

Говорит им Соловей Разбойник Одихмантьев сын:

Ай же зятевья мои любимые!
Побросайте-ка рогатины звериные,
Вы зовите мужика да деревенщину,
В своё гнёздышко зовите соловьиное,
Да кормите его ествушкой сахарною,
Да вы пойте его питьецом медвяным,
Да и дарите ему дары драгоценные!

Эти зятевья да соловьиные
 Побросали-то рогатины звериные,
 А и зовут мужика да и деревенщину
 Во то гнёздышко да соловьиное.
 Да и мужик-то деревенщина не слушался,
 А он едет-то по славному чисту полю
 Прямоезжею дорожкой в стольный Киев-град.
 Он приехал-то во славный стольный Киев-град
 А ко славному ко князю на широкий двор.
 А и Владимир-князь он вышёл со божьей церкви,
 Он пришёл в палату белокаменну,
 Во столовую свою во горенку,
 Он сел есть да пить да хлеба кушати,
 Хлеба кушати да пообедати.
 А и тут старья казак да Илья Муромец
 Становил коня да посередь двора,
 Сам идёт он во палаты белокаменны.
 Проходил он во столовую во горенку,
 На пятау он дверь-то поразмахивал,
 Крест-от клал он по-писаному,
 Вел поклоны по-учёному,
 На все на три, на четыре на сторонки низко кланялся,
 Самому князю Владимиру в особину,
 Ещё всем его князьям он подколенным.
 Тут Владимир-князь стал молодца выспрашивать:
 Ты скажи-тко, ты откулешний,
 дородный добрый молодец,
 Тебя как-то, молодца, да именем зовут,
 Величают, удалого, по отчеству?
 Говорил-то старья казак да Илья Муромец:
 Есть я с славного из города из Мурома,
 Из того села да Карачарова,
 Есть я старья казак да Илья Муромец,
 Илья Муромец да сын Иванович.

Как кричит злодей-разбойник по-звериному —
То все травушки-муравы улетаются,
А лазоревы цветочки прочь осыпаются,
Тёмны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей — то все мертвы лежат.

Говорил ему Илья да таковы слова:

Ты, Владимир-князь да стольнокиевский!
Соловей Разбойник на твоём дворе.
Ему выбито ведь право око со косицею,
И он ко стремени булатному прикованный.

То Владимир-князь-от стольнокиевский
Он скорешенько вставал да на резвы ножки,
Кунью шубоньку накинул на одно плечко,
То он шапочку соболью на одно ушко,
Он выходит-то на свой-то на широкий двор
Посмотреть на Соловья Разбойника.

Говорил-то ведь Владимир-князь да таковы слова:

Засвищи-тко, Соловей, ты по-соловьему,
Закричи-тко ты, собака, по-звериному.

Говорил-то Соловей ему Разбойник Одихмантьев сын:

Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушати.
Я обедал-то у старого казака Ильи Муромца,
Да его хочу-то я послушати.

Говорил-то как Владимир-князь да стольнокиевский:

Ай же старья казак ты Илья Муромец!
Прикажи-тко засвистать ты Соловья
да и по-соловьему,
Прикажи-тко закричать да по-звериному.

Говорил Илья да таковы слова:

Ай же Соловей Разбойник Одихмантьев сын:
Засвищи-тко ты во подсвиста соловьего,
Закричи-тко ты во полкрика звериного.

Говорил-то ему Соловей Разбойник Одихмантьев сын:

Ай же старья казак ты Илья Муромец!
Мои раночки кровавы запечатались,
Да не ходят-то мои уста сахарные,
Не могу я засвистать да и по-соловьему,
Закричать-то не могу я по-звериному.
А и вели-тко князю ты Владимиру
Налить чару мне да зелена вина.
Я повыпью-то как чару зелена вина —
Мои раночки кровавы поразойдутся,
Да и уста мои сахарны порасходятся,
Да тогда я засвищу да по-соловьему,
Да тогда я закричу да по-звериному.

Говорил Илья тут князю он Владимиру:

Ты, Владимир-князь да стольнокиевский,
Ты поди в свою столовую во горенку,
Наливай-то чару зелена вина.
Ты не малую стопу — да полтора ведра,
Подноси-тко к Соловью к Разбойнику.

То Владимир-князь да стольнокиевский,
Он скоренько шёл в столову свою горенку,
Наливал он чару зелена вина,
Да не малу он стопу — да полтора ведра,
Разводил медами он стоялыми,
Приносил-то он ко Соловью Разбойнику.
Соловей Разбойник Одихмантьев сын
Принял чарочку от князя он одной ручкой,
Выпил чарочку ту Соловей одним духом.
Засвистал как Соловей тут по-соловьему,
Закричал Разбойник по-звериному.
Маковки на теремах покривились,
А околенки во теремах рассыпались.
От него, от посвиста соловьего,
А что есть-то людишек, так все мертвы лежат.

А Владимир-князь — от стольнокиевский,
Куньей шубонькой он укрывается.
А й тут старый-от казак да Илья Муромец,
Он скорешенько сажился на добра коня,
А й он вез-то Соловья да во чисто поле,
И он срубил ему да буйно голову.

Говорил Илья да таковы слова:

Тебе полно-тко свистать да по-соловьему,
Тебе полно-тко кричать да по-зверинуму,
Тебе полно-тко слезить да отцов-матерей,
Тебе полно-тко вдовить да жен молодых,
Тебе полно-тко спущать сиротать

да малых детушек!

А тут Соловью ему и славу поют.

Ай славу поют ему век по веку!

САДКО

Во славном во Нове-граде
Как был Садке-купец богатый гость.
А прежде у Садка имущества не было:
Одни были гуселки яровчаты;
По пирам ходил-играл Садке.
Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен пир.
По том Садке соскучился.
Как пошёл Садке к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гуселки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Тут-то Садке перепался,
Пошёл прочь от озера во свой во Новгород.
Садка день не зовут на почестен пир,

Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен пир.
По том Садке соскучился.
Как пошёл Садке к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гуселки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Тут-то Садке перепался,
Пошёл прочь от озера во свой во Новгород.
Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен пир.
По том Садке соскучился.
Как пошёл Садке к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гуселки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Показался царь морской,
Вышел со Ильменя со озера,
Сам говорил таковы слова:
«Ай же ты, Садке Новгородскийй!
Не знаю, чем буде тебя пожаловать
За твои за утехи за великия,
За твою-то игру нежную.
Аль бессчётной золотой казной?
А не то ступай во Новгород
И ударь о велик заклад,
Заложь свою буйну голову,
И выряжай с прочих купцов
Лавки товара красного,
И спорь, что в Ильмень-озере
Есть рыба — золоты перья.
Как ударишь о велик заклад,
И поди — свяжи шёлковой невод,

И приезжай ловить в Ильмень-озеро:
Дам три рыбины — золоты перья.
Тогда ты, Садке, счастлив будешь».
Пошел Садке от Ильменя от озера.
Как приходил Садке во свой во Новгород,
Позвали Садке на почестей пир.
Как тут Садке Новгородский
Стал играть в гуселки яровчаты;
Как тут стали Садке поपाивать,
Стали Садку поднашивать,
Как тут-то Садке стал похвастывать:
«Ай же вы, купцы новгородские!
Как знаю чудо чудное в Ильмень-озере:
А есть рыба — золоты перья в Ильмень-озере».
Как тут-то купцы новгородские
Говорят ему таковы слова:
«Не знаешь ты чуда чудного,
Не может быть в Ильмень-озере рыбы —
золоты перья».

«Ай же вы, купцы новгородские!
О чём же бьёте со мной о велик заклад?
Ударим-ка о велик заклад:
Я заложу свою буйну голову,
А вы залагайте лавки товара красного».
Три купца повыкинулись,
Заложили по три лавки товара красного.
Как тут-то связали невод шёлковый
И поехали ловить в Ильмень-озеро.
Закинули тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли рыбку — золоты перья;
Закинули другую тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли другую рыбку — золоты перья;
Третью закинули тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли третью рыбку — золоты перья.

Тут купцы новгородские
Отдали по три лавки товара красного.
Стал Садке поторговывать,
Стал получать барыши великие,
Во своих палатах белокаменных
Устроил Садке всё по-небесному:
На небе солнце и в палатах солнце,
На небе месяц и в палатах месяц,
На небе звёзды и в палатах звёзды.
Потом Садке-купец богатый гость
Зазвал к себе на почестей пир
Тых мужиков новгородских
И тых настоятелей новгородских:
Фому Назарьева и Луку Зиновьева.
Все на пиру наедались,
Все на пиру напивались,
Похвальбами все похвалялись:
Иный хвастает бессчётной золотой казной,
Другой хвастает силой-удачей молодецкою,
Который хвастает добрым конём,
Который хвастает славным отечеством,
Славным отечеством, молодым молодецеством.
Умный хвастает старым батюшком,
Безумный хвастает молодой женой.
Говорят настоятели новгородские:
«Все мы на пиру наедались,
Все на почестном напивались,
Похвальбами все похвалялись.
Что же у нас Садке ничем не похвастает,
Что у нас Садке ничем не похваляется?»
Говорит Садке-купец богатый гость:
«А чем мне, Садку, хвастаться,
Чем мне, Садку, похваляться?
У меня ль золота казна не тощится,

Цветно платье не носится,
Дружина хоробра не изменяется.
А похвастать не похвастать бесщётной золотой казной:
На свою бесщётну золоту казну
Повыкуплю товары новгородские,
Худые товары и добрые!»
Не успел он слова вымолвить,
Как настоятели новгородские
Ударили о велик заклад,
О бесщётной золотой казны,
О денежках тридцати тысячах:
Как повысить Садку товары новгородские,
Худые товары и добрые,
Чтоб в Нове-граде товаров в продаже боле не было.
Ставал Садке на другой день раным-рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счёта давал золотой казны
И распущал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шёл в гостиный ряд,
Как повыкупил товары новгородские,
Худые товары и добрые
На свою бесщётну золоту казну.
На другой день ставал Садке раным-рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счёта давал золотой казны
И распущал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шёл в гостиный ряд:
Вдвойне товаров принавезено,
Вдвойне товаров принаполнено
На тую на славу на великую новгородскую.
Опять выкупал товары новгородские,
Худые товары и добрые
На свою бесщётну золоту казну.
На третий день ставал Садке раным-рано,

Застоялись черлѣны корабли на синем море:
А волной-то бѣёт, паруса рвѣт,
Ломает кораблики черлѣные;
А корабли нейдут с места на синем море.
Говорит Садке-купец богатый гость
Ко своей дружине ко хоробрыя:
«Ай же ты, дружинушка хоробрая!
Как мы век по морю ездили,
А морскому царю дани не плачивали:
Видно, царь морской от нас дани требует,
Требует дани во сине море.
Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Взимайте бочку сороковку чиста серебра,
Спускайте бочку во сине море».
Дружина его хоробрая
Взимала бочку чиста серебра.
Спускали бочку во сине море:
А волной-то бѣёт, паруса рвѣт,
Ломает кораблики черлѣные;
А корабли нейдут с места на синем море.
Тут его дружина хоробрая
Брала бочку сороковку красна золота,
Спускали бочку во сине море:
А волной-то бѣёт, паруса рвѣт,
Ломает кораблики черлѣные;
А корабли всё нейдут с места на синем море.
Говорит Садке-купец богатый гость:
«Видно, царь морской требует
Живой головы во сине море.
Делайте, братцы, жеребья вольжаны,
Я сам сделаю на красном на золоте,
Всяк свои имена подписывайте,
Спускайте жеребья на сине море:
Чей жеребей ко дну пойдѣт,
Таковому идти в сине море».

Делали жеребья вольжаны,
А сам Садке делал на красном на золоте,
Всяк своё имя подписывал,
Спускали жеребья на сине море:
Как у всей дружины хоробрья
Жеребья гоголем по воды плуют,
А у Садка-купца ключом на дно.
Говорит Садке-купец богатый гость:
«Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Этыя жеребья не правильны:
Делайте жеребья на красном на золоте,
А я сделаю жеребий вольжанный».

Делали жеребья на красном на золоте,
А сам Садке делал жеребей вольжанный,
Всяк своё имя подписывал,
Спускали жеребья на сине море:
Как у всей дружины хоробрья
Жеребья гоголем по воды плуют,
А у Садка-купца ключом на дно.
Говорит Садке-купец богатый гость:
«Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Видно, царь морской требует
Самого Садка богатого в сине море.
Несите мою чернилицу вальяжную,
Перо лебединое, лист бумаги (гербовый)».

Несли ему чернилицу вальяжную,
Перо лебединое, лист бумаги (гербовый).
Он стал именьице отписывать:
Кое именье отписывал Божьим церквам,
Иное именье нищей братии,
Иное именье молодой жены,
Остатнее именье — дружине хоробрья.
Говорил Садке-купец богатый гость:
«Ай же, братцы, дружина хоробрая!

Давайте мне гуселки яровчаты,
Поиграть-то мне в остатнее:
Больше мне в гуселки не игривати.
Али взять мне гусли с собой во сине море?»
Взимает он гуселки яровчаты,
Сам говорит таковы слова:
«Свалите дощечку дубовую на воду:
Хоть я свалюсь на доску дубовую,
Не толь мне страшно принять смерть на синем море».
Свалили дощечку дубовую на воду,
Потом поезжали корабли по синю морю,
Полетели, как чёрные вороны.
Остался Садке на синем море.
Со тоя со страсти со великия
Заснул на дощечке на дубовой.
Проснулся Садке во синем море,
Во синем море на самом дне.
Сквозь воду увидел пекучись красное солнышко,
Вечернюю зорю, зорю утреннюю.
Увидел Садке: во синем море
Стоит палата белокаменная,
Заходил Садке в палату белокаменну.
Сидит в палате царь морской,
Голова у царя, как куча сенная.
Говорит царь таковы слова:
«Ай же ты, Садке-купец богатый гость!
Век ты, Садке, по морю езживал,
Мне, царю, дани не плачивал,
А нонь весь пришёл ко мне во подарочках.
Скажут, мастер играть в гуселки яровчаты:
Поиграй же мне в гуселки яровчаты».
Как начал играть Садке в гуселки яровчаты,
Как начал плясать царь морской во синем море,
Как расплясался царь морской.

Играл Садке сутки, играл и другие,
Да играл ощё Садке и третьии,
А всё пляшет царь во синем море.
Во синем море вода всколыбалася,
Со жёлтым песком вода смутилася,
Стало разбивать много кораблей на синем море,
Стало много гинуть именицев,
Стало много тонуть людей праведных:
Как стал народ молиться Миколы Можайскому.
Как тронуло Садка в плечо во правое:
«Ай же ты, Садке Новгородскийй!
Полно играть в гусельшки яровчаты!»
Обернулся — глядит Садке Новгородскийй:
Ажно стоит старик седатыйй.
Говорил Садке Новгородскийй:
«У меня воля не своя во синем море,
Приказано играть в гуселки яровчаты».
Говорит старик таковы слова:
«А ты струночки повырывай,
А ты шпенёчки повыломай.
Скажи: «У меня струночек не случилось,
А шпенёчков не пригодилось,
Не во что больше играть:
Приломалися гуселки яровчаты».
Скажет тебе царь морской:
«Не хочешь ли жениться во синем море
На душечке на красная девушке?»
Говори ему таковы слова:
«У меня воля не своя во синем море».
Опять скажет царь морской:
«Ну, Садке, вставай поутру ранёшенько,
Выбирай себе девицу красавицу».
Как станешь выбирать девицу красавицу,
Так перво триста девиц пропусти,

И друго триста девиц пропусти,
И третье триста девиц пропусти:
Позади идёт девица красавица,
Красавица девица Черनावушка, —
Бери тую Чернаву за себя замуж.
Будешь, Садке, во Нове-граде.
А на свою бесщётну золоту казну
Построй церковь соборную Микола Можайскому».
Садке струночки во гуселках повыдернул,
Шпенёчки во яровчатых повыломал.
Говорит ему царь морской:
«Ай же ты, Садке Новгородский!
Что же не играешь в гуселки яровчаты?» —
«У меня струночки во гуселках выдернулись,
А шпенёчки во яровчатых повыломались:
А струночек запасных не случилось,
А шпенёчков не пригодилось».
Говорит царь таковы слова:
«Не хочешь ли жениться во синем море
На душечке на красныя девушке?»
Говорит ему Садке Новгородский:
«У меня воля не своя во синем море».
Опять говорит царь морской:
«Ну, Садке, вставай по утру ранёшенько,
Выбирай себе девицу красавицу».
Вставал Садке по утру ранёшенько,
Поглядит: идёт триста девушек красных;
Он перво триста девиц пропустил,
И друго триста девиц пропустил,
И третье триста девиц пропустил;
Позади шла девица красавица,
Красавица девица Черनावушка.
Брал тую Чернаву за себя замуж.
Как ложится спать Садке во перву ночь.

Как проснулся Садке во Нове-граде,
О реку Чернаву на крутом кряжу.
Как поглядит, ажно бежат
Свои черлёные корабли по Волхову.
Поминает жена Садка со дружиной

во синем море:

«Не бывать Садку со синя моря!»
А дружина поминает одного Садка:
«Остался Садке во синем море!»
А Садке стоит на крутом кряжу,
Встречает свою дружинишку со Волхова.
Тут его ли дружина сдивовалася:
«Остался Садке во синем море,
Очутился впереди нас во Нове-граде,
Встречает дружину со Волхова!»
Встретил Садке дружину хоробрую
И повёл в палаты белокаменны.
Тут его жена зрадовалася,
Брала Садка за белы руки,
Целовала во уста во сахарныя.
Начал Садке выгружать со черлёных со кораблей
Именьице — бесщётну золоту казну.
Как повыгрузил со черлёных кораблей,
Состроил церкву соборную Миколы Можайскому.
Не стал больше ездить Садке на сине море,
Стал поживать Садке во Нове-граде.

ЛИТЕРАТУРА
XIX века

Евгений Абрамович Баратынский

1800—1844

ВОДОПАД

Шуми, шуми с крутой вершины,
Не умолкай, поток седой!
Соединяй протяжный вой
С протяжным отзывом долины.

Я слышу: свищет Аквилон,
Качает елию скрыпучей,
И с непогодю ревучей
Твой рев мятежный соглашон.

Зачем, с безумным ожиданьем,
К тебе прислушиваюсь я?
Зачем трепещет грудь моя
Каким-то вещим трепетаньем?

Как очарованный стою
Над дымной бездною твоею
И, мнится, сердцем разумею
Речь безглагольную твою.

Шуми, шуми с крутой вершины,
Не умолкай, поток седой!
Соединяй протяжный вой
С протяжным отзывом долины!

* * *

Чудный град порой сольется
Из летучих облаков,
Но лишь ветер его коснется,
Он исчезнет без следов!

Так мгновенные созданья
Поэтической мечты
Исчезают от дыханья
Посторонней суеты.

Василий Андреевич Жуковский

1783—1852

ЛЮДМИЛА

«Где ты, милый? Что с тобою?
С чужеземною красою,
Знать, в далекой стороне
Изменил, неверный, мне;
Иль безвременно могила
Светлый взор твой угасила».
Так Людмила, приуныв,
К персям очи преклонив,
На распутии вздыхала.
«Возвратится ль он, — мечтала, —
Из далеких, чуждых стран
С грозной ратию славян?»

Пыль туманит отдаленье;
Светит ратных ополченье;
Топот, ржание коней;
Трубный треск и стук мечей;
Прахом панцири покрыты;
Шлемы лаврами обвиты;

Близко, близко ратных строй;
Мчатся шумною толпой
Жены, чада, обрученны...
«Возвратились незабвенны!..»
А Людмила?.. Ждет-пождет...
«Там дружину он ведет;
Сладкий час — соединенье!..»

Вот проходит ополченье;
Миновался ратных строй...
Где ж, Людмила, твой герой?
Где твоя, Людмила, радость?
Ах! прости, надежда-сладость!
Все погибло: друга нет.
Тихо в терем свой идет,
Томну голову склонила:
«Расступись, моя могила;
Гроб, откройся; полно жить;
Дважды сердцу не любить».

«Что с тобой, моя Людмила? —
Мать со страхом возопила. —
О, покой тебя творец!» —
«Милый друг, всему конец;
Что прошло — невозвратимо;
Небо к нам неумолимо;
Царь небесный нас забыл...
Мне ль он счастья не сулил?
Где ж обетов исполненье?
Где святое провиденье?
Нет, немилостив творец;
Все прости; всему конец».

«О Людмила, грех роптанье;
Скорбь — создателя посланье;
Зла создатель не творит;
Мертвых стон не воскресит». —
«Ах! родная, миновалось!
Сердце верить отказалось!

Я ль, с надеждой и мольбой,
Пред иконою святой
Не точила слез ручьями?
Нет, бесплодными мольбами
Не призвать минувших дней;
Не цвести душе моей.

Рано жизнью насладились,
Рано жизнь моя затмилась,
Рано прежних лет краса.
Что взирать на небеса?
Что молить неумолимых?
Возвращу ль невозвратимых?» —
«Царь небес, то скорби глас!
Дочь, вспомни смертный час;
Кратко жизни сей страданье;
Рай — смиренным воздаянье,
Ад — бунтующим сердцам;
Будь послушна небесам».

«Что, родная, муки ада?
Что небесная награда?
С милым вместе — всюду рай;
С милым розно — райский край
Безотрадная обитель.
Нет, забыл меня спаситель!» —
Так Людмила жизнь кляла,
Так творца на суд звала...
Вот уж солнце за горами;
Вот усыпала звездами
Ночь спокойный свод небес;
Мрачен дол, и мрачен лес.

Вот и месяц величавый
Встал над тихую дубравой:
То из облака блеснет,
То за облако зайдет;
С гор простерты длинны тени;
И лесов дремучих сени,

И зеркало зыбких вод,
И небес далекий свод
В светлый сумрак облеченны...
Спят пригорки отдаленны,
Бор заснул, долина спит...
Чу!.. полночный час звучит.

Потряслись дубов вершины;
Вот повеял от долины
Перелетный ветерок...
Скачет по полю ездов:
Борзый конь и ржет и пышет.
Вдруг... идут... (Людмила слышит)
На чугунное крыльцо...
Тихобрякнуло кольцо...
Тихим шепотом сказали...
(Все в ней жилки задрожали.)
То знакомый голос был,
То ей милый говорил:

«Спит иль нет моя Людмила?
Помнит друга иль забыла?
Весела иль слезы льет?
Встань, жених тебя зовет». —
«Ты ль? Откуда в час полночи?
Ах! едва прискорбны очи
Не потухнули от слез.
Знать, тронулся царь небес
Бедной девицы тоскою?
Точно ль милый предо мною?
Где же был? Какой судьбой
Ты опять в стране родной?»

«Близ Наревы дом мой тесный.
Только месяц поднебесный
Над долиною взойдет,
Лишь полночный час пробьет —
Мы коней своих седлаем,
Темны кельи покидаем.

Поздно я пустился в путь.
Ты моя; мою будь...
Чу! совы пустынной крики.
Слышишь? Пенье, брачны лики.
Слышишь? Борзый конь заржал.
Едем, едем, час настал».

«Переждем хоть время ночи;
Ветер встал от полуночи;
Хладно в поле, бор шумит;
Месяц тучами закрыт». —
«Ветер буйный перестанет;
Стихнет бор, луна проглянет;
Едем, нам сто верст езды.
Слышишь? Конь грызет бразды,
Бьет копытом с нетерпенья.
Миг нам страшен замедленья;
Краткий, краткий дан мне срок;
Едем, едем, путь далек».

«Ночь давно ли наступила?
Полночь только что пробила.
Слышишь? Колокол гудит». —
«Ветер стихнул; бор молчит;
Месяц в водный ток глядится;
Мигом борзый конь домчится». —
«Где ж, скажи, твой тесный дом?» —
«Там, в Литве, краю чужом:
Хладен, тих, уединенный,
Свежим дерном покровенный;
Саван, крест и шесть досток.
Едем, едем, путь далек».

Мчатся всадник и Людмила.
Робко дева обхватила
Друга нежною рукой,
Прислонясь к нему главой.
Скоком, летом по долинам,
По буграм и по равнинам;

Пышет конь, земля дрожит;
Брызжут искры от копыт;
Пыль катится вслед клубами;
Скачут мимо них рядами
Рвы, поля, бугры, кусты;
С громом зыблются мосты.

«Светит месяц, дол сребрится;
Мертвый с девицею мчится;
Путь их к келье гробовой.
Страшно ль, девица, со мной?» —
«Что до мертвых? что до гроба?
Мертвых дом земли утроба». —
«Чу! в лесу потрясся лист.
Чу! в глуши раздался свист,
Черный ворон встрепенулся;
Вздрыгнул конь и отшатнулся;
Вспыхнул в поле огонек». —
«Близко ль, милый?» — «Путь далек».

Слышат шорох тихих теней:
В час полуночных видений,
В дыме облака, толпой,
Прах оставя гробовой
С поздним месяца восходом,
Легким, светлым хороводом
В цепь воздушную свились;
Вот за ними понеслись;
Вот поют воздушны лики:
Будто в листьях повилики
Вьется легкий ветерок;
Будто плещет ручеек.

«Светит месяц, дол сребрится;
Мертвый с девицею мчится;
Путь их к келье гробовой.
Страшно ль, девица, со мной?» —
«Что до мертвых? что до гроба?
Мертвых дом земли утроба». —

«Конь, мой конь, бежит песок;
Чую ранний ветерок;
Конь, мой конь, быстрее мчися;
Звезды утренни зажглися,
Месяц в облаке потух.
Конь, мой конь, кричит петух».

«Близко ль, милый?» — «Вот примчались».
Слышат: сосны зашатались;
Слышат: спал с ворот запор;
Борзый конь стрелой на двор.
Что же, что в очах Людмилы?
Камней ряд, кресты, могилы,
И среди них божий храм.
Конь несется по гробам;
Стены звонкий вторят топот;
И в траве чуть слышный шепот,
Как усопших тихий глас...
Вот денница занялась.

Что же чудится Людмиле?..
К свежей конь примчась могиле,
Бух в нее и с седоком.
Вдруг — глухой подземный гром;
Страшно доски затрещали;
Кости в кости застучали;
Пыль взвилася; обруч хлоп;
Тихо, тихо вскрылся гроб...
Что же, что в очах Людмилы?..
Ах, невеста, где твой милый?
Где венчальный твой венец?
Дом твой — гроб; жених — мертвец.

Видит труп оцепенелый;
Прям, недвижим, посинелый,
Длинным саваном обвит.
Страшен милый прежде вид;
Впалы мертвые ланиты;
Мутен взор полуоткрытый;

Руки сложены крестом.
Вдруг привстал... манит перстом...
«Кончен путь: ко мне, Людмила;
Нам постель — темна могила;
Завес — саван гробовой;
Сладко спать в земле сырой».

Что ж Людмила?.. Каменеет,
Меркнут очи, кровь хладеет,
Пала мертвая на прах.
Стон и вопли в облаках,
Визг и скрежет под землею;
Вдруг усопшие толпою
Потянулись из могил;
Тихий, страшный хор завыл:
«Смертных ропот безрассуден;
Царь всевышний правосуден;
Твой услышал стон творец;
Час твой бил, настал конец».

СВЕТЛАНА

А. А. Воейковой

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи; под окном
Слушали; кормили
Счетным курицу зерном;

Ярый воск топили;
В чашу с чистою водой
Клади перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Расстилали белый плат
И над чашей пели в лад
Песенки подблюдны.

Тускло светится луна
В сумраке тумана —
Молчалива и грустна
Милая Светлана.
«Что, подруженька, с тобой?
Вымолви словечко;
Слушай песни круговой;
Вынь себе колечко.
Пой, красавица: «Кузнец,
Скуй мне злат и нов венец,
Скуй кольцо золотое;
Мне венчаться тем венцом,
Обручаться тем кольцом
При святом налое».

«Как могу, подружки, петь?
Милый друг далёко;
Мне судьбина умереть
В грусти одинокой.
Год промчался — вести нет;
Он ко мне не пишет;
Ах! а им лишь красен свет,
Им лишь сердце дышит...
Иль не вспомнишь обо мне?
Где, в какой ты стороне?
Где твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью!
Утоли печаль мою,
Ангел-утешитель».

Вот в светлице стол накрыт
Белой пеленою;
И на том столе стоит
Зеркало с свечою;
Два прибора на столе.
«Загадай, Светлана;
В чистом зеркала стекле
В полночь, без обмана

Ты узнаешь жребий свой:
Стукнет в двери милый твой
Легкою рукою;
Упадет с дверей запор;
Сядет он за свой прибор
Ужинать с тобою».

Вот красавица одна;
К зеркалу садится;
С тайной робостью она
В зеркало глядится;
Темно в зеркале; кругом
Мертвое молчанье;
Свечка трепетным огнем
Чуть лиет сиянье...
Робость в ней волнует грудь,
Страшно ей назад взглянуть,
Страх туманит очи...
С треском пыхнул огонек,
Крикнул жалобно сверчок,
Вестник полуночи.

Подпершия локотком,
Чуть Светлана дышит...
Вот... легохонько замком
Кто-то стукнул, слышит;
Робко в зеркало глядит:
За ее плечами
Кто-то, чудилось, блестит
Яркими глазами...
Занялся от страха дух...
Вдруг в ее влетает слух
Тихий, легкий шепот:
«Я с тобой, моя краса;
Укротились небеса;
Твой услышан ропот!»

Оглянулась... милый к ней
Простирает руки.

«Радость, свет моих очей,
Нет для нас разлуки.
Едем! Поп уж в церкви ждет
С дьяконом, дьячками;
Хор венчальну песнь поет;
Храм блестит свечами».
Был в ответ умильный взор;
Идут на широкий двор,
В ворота тесовы;
У ворот их санки ждут;
С нетерпенья кони рвут
Повода шелковы.

Сели... кони с места враз;
Пышут дым ноздрями;
От копыт их поднялась
Вьюга над санями.
Скачут... пусто все вокруг,
Степь в очах Светланы:
На луне туманный круг;
Чуть блестят поляны.
Сердце вещее дрожит;
Робко дева говорит:
«Что ты смолкнул, милый?»
Ни полслова ей в ответ:
Он глядит на лунный свет,
Бледен и унылый.

Кони мчатся по буграм;
Топчут снег глубокий...
Вот в сторонке божий храм
Виден одинокий;
Двери вихорь отворил;
Тьма людей во храме;
Яркий свет паникадил
Тускнет в фимиаме;
На середине черный гроб;
И гласит протяжно поп:

«Буди взят могилой!»
Пуще девица дрожит;
Кони мимо; друг молчит,
Бледен и унылый.

Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Черный вран, свистя крылом,
Вьется над санями;
Ворон каркает: печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрят в темну даль,
Подымая гривы;
Брезжит в поле огонек;
Виден мирный уголок,
Хижинка под снегом.
Кони борзые быстрей,
Снег взрывая, прямо к ней
Мчатся дружным бегом.

Вот примчались... и вмиг
Из очей пропали:
Кони, сани и жених
Будто не бывали.
Одинокая, впотьмах,
Брошена от друга,
В страшных девица местах;
Вкруг метель и вьюга.
Возвратиться — следу нет...
Виден ей в избушке свет:
Вот перекрестилась;
В дверь с молитвою стучит...
Дверь шатнулася... скрипит...
Тихо растворилась.

Что ж?.. В избушке гроб; накрыт
Белою запоной;
Спасов лик в ногах стоит;
Свечка пред иконой...

Ах! Светлана, что с тобой?
В чью зашла обитель?
Страшен хижины пустой
Безответный житель.
Входит с трепетом, в слезах;
Пред иконой пала в прах,
Спасу помолилась;
И с крестом своим в руке,
Под святыми в уголке
Робко притаилась.

Все утихло... вьюги нет...
Слабо свечка тлится,
То прольет дрожащий свет,
То опять затмится...
Все в глубоком, мертвом сне,
Страшное молчанье...
Чу, Светлана!.. в тишине
Легкое журчанье...
Вот глядит: к ней в уголок
Белоснежный голубок
С светлыми глазами,
Тихо вея, прилетел,
К ней на перси тихо сел,
Обнял их крылами.

Смолкло все опять кругом...
Вот Светлане мнится,
Что под белым полотном
Мертвый шевелится...
Сорвался покров; мертвец
(Лик мрачнее ночи)
Виден весь — на лбу венец,
Затворены очи.
Вдруг... в устах сомкнутых стон;
Силится раздвинуть он
Руки охладели...
Что же девица?.. Дрожит...

Гибель близко... но не спит
Голубочек белый.

Встрепенулся, развернул
Легкие он крылы;
К мертвецу на грудь вспорхнул...
Всей лишенный силы,
Простонав, заскрежетал
Страшно он зубами
И на деву засверкал
Грозными очами...
Снова бледность на устах;
В закатившихся глазах
Смерть изобразилась...
Глядь, Светлана... о творец!
Милый друг ее — мертвец!
Ах!.. и пробудилась.

Где ж?.. У зеркала, одна
Посреди светлицы;
В тонкий занавес окна
Светит луч денницы;
Шумным бьет крылом петух,
День встречая пеньем;
Все блестит... Светланин дух
Смутен сновиденьем.
«Ах! ужасный, грозный сон!
Не добро вещает он —
Горькую судьбину;
Тайный мрак грядущих дней,
Что сулишь душе моей,
Радость иль кручину?»

Села (тяжко ноет грудь)
Под окном Светлана;
Из окна широкий путь
Виден сквозь тумана;
Снег на солнышке блестит,
Пар алеет тонкий...

Чу!.. в дали пустой гремит
Колокольчик звонкий;
На дороге снежный прах;
Мчат, как будто на крылах,
Санки кони рьяны;
Ближе; вот уж у ворот;
Статный гость к крыльцу идет...
Кто?.. Жених Светланы.

Что же твой, Светлана, сон,
Прорицатель муки?
Друг с тобой; все тот же он
В опыте разлуки;
Та ж любовь в его очах,
Те ж приятны взоры;
Те ж на сладостных устах
Милы разговоры.
Отворяйся ж, божий храм;
Вы летите к небесам,
Верные обеты;
Соберитесь, стар и млад;
Сдвинув звонки чаши, в лад
Пойте: многи леты!

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;
В ней большие чудеса,
Очень мало складу.
Взором счастливый твоим,
Не хочу и славы;
Слава — нас учили — дым;
Свет — судья лукавый.
Вот баллады толк моей:
«Лучший друг нам в жизни сей
Вера в провиденье.
Благ зиждителя закон:
Здесь несчастье — лживый сон;
Счастье — пробужденье».

О! не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана...
Будь, создатель, ей покров!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тень
К ней да не коснется;
В ней душа как ясный день;
Ах! да пронесется
Мимо — Бедствия рука;
Как приятный ручейка
Блеск на лоне луга,
Будь вся жизнь ее светла,
Будь веселость, как была,
Дней ее подруга.

СУД БОЖИЙ НАД ЕПИСКОПОМ

Были и лето и осень дождливы;
Были потоплены пажити, нивы;
Хлеб на полях не созрел и пропал;
Сделался голод, народ умирал.

Но у епископа, милостью неба,
Полны амбары огромные хлеба;
Жито сберег прошлогоднее он:
Был осторожен епископ Гаттон.

Рвутся толпой и голодный и нищий
В двери епископа, требуя пищи;
Скуп и жесток был епископ Гаттон:
Общей бедою не тронулся он.

Слушать их вопли ему надоело;
Вот он решился на страшное дело:
Бедных из ближних и дальних сторон,
Слышно, скликает епископ Гаттон.

«Дожили мы до неожиданного чуда:
Вынул епископ добро из-под спуда;
Бедных к себе на пирушку зовет», —
Так говорил изумленный народ.

К сроку собралися званные гости,
Бледные, чахлые, кожа да кости;
Старый, огромный сарай отворен,
В нем угостит их епископ Гаттон.

Вот уж столпились под кровлей сарая
Все пришелцы из окружного края...
Как же их принял епископ Гаттон?
Был им сарай и с гостями сожжен.

Глядя епископ на пепел пожарный,
Думает: «Будут мне все благодарны;
Разом избавил я шуткой моей
Край наш голодный от жадных мышей».

В замок епископ к себе возвратился,
Ужинать сел, пировал, веселился,
Спал, как невинный, и снов не видал...
Правда! но боле с тех пор он не спал.

Утром он входит в покой, где висели
Предков портреты, и видит, что съели
Мыши его живописный портрет,
Так, что холстины и признака нет.

Он обомлел; он от страха чуть дышит...
Вдруг он чудесную ведомость слышит:
«Наша округа мышами полна,
В житницах съеден весь хлеб до зерна».

Вот и другое в ушах загремело:
«Бог на тебя за вчерашнее дело!
Крепкий твой замок, епископ Гаттон,
Мыши со всех осаждают сторон».

Ход был до Рейна от замка подземной;
В страхе епископ дорогою темной

К берегу выйти из замка спешит:
«В Рейнской башне спасусь», — говорит.

Башня из рейнских вод подымалась;
Издали острым утесом казалась,
Грозно из пены торчащим, она;
Стены кругом ограждала волна.

В легкую лодку епископ садится;
К башне причалил, дверь запер и мчится
Вверх по гранитным крутым ступеням;
В страхе один затворился он там.

Стены из стали казались слиты,
Были решетками окна забиты,
Ставни чугунные, каменный свод,
Дверью железною запертый вход.

Узник не знает, куда приютиться;
На пол, зажмурив глаза, он ложится...
Вдруг он испуган стенаньем глухим:
Вспыхнули ярко два глаза над ним.

Смотрит он... кошка сидит и мяучит;
Голос тот грешника давит и мучит;
Мечется кошка; невесело ей:
Чует она приближенье мышей.

Пал на колени епископ и криком
Бога зовет в исступлении диком.
Воет преступник... а мыши плывут...
Ближе и ближе... доплыли... ползут.

Вот уж ему в расстоянии близком
Слышно, как лезут с роптаньем и писком;
Слышно, как стену их лапки скребут;
Слышно, как камень их зубы грызут.

Вдруг ворвались неизбежные звери;
Сыплются градом сквозь окна, сквозь двери,
Спереди, сзади, с боков, с высоты...
Что тут, епископ, почувствовал ты?

Зубы об камни они наострили,
Грешнику в кости их жадно впустили,
Весь по суставам раздернут был он...
Так был наказан епископ Гаттон.

Алексей Васильевич Кольцов

1809—1842

КОЛЬЦО

(Песня)

Я затеплю свечу
Воска ярова,
Распаяю кольцо
Друга милова.

Загорись, разгорись,
Роковой огонь,
Распаяй, растопи
Чисто золото.

Без него для меня
Ты ненадобно;
Без него — на руке
Камень на сердце.

Что взгляну — то вздохну,
Затоскуюся,
И зальются глаза
Горьким горем слез.

Возвратится ли он?
Или весточкой
Оживит ли меня,
Безутешную?

Нет надежды в душе...
Ты рассыпся же
Золотой слезой,
Память милова!

Невредимо, черно
На огне кольцо,
И звенит по столу
Память вечную.

НЕ ШУМИ ТЫ, РОЖЬ

Не шуми ты, рожь,
Спелым колосом!
Ты не пой, косарь,
Про широку степь!

Мне не для чего
Собирать добро,
Мне не для чего
Богатеть теперь!

Прочил молодец,
Прочил доброе,
Не своей душе —
Душе-девице.

Сладко было мне
Глядеть в очи ей,
В очи, полные
Полюбовных дум!

И те ясные
Очи стухнули,
Спит могильным сном
Красна девица!

Тяжелей горы,
Темней полночи
Легла на сердце
Дума черная!

РАЗЛУКА

На заре туманной юности
Всей душой любил я милую:
Был у ней в глазах небесный свет,
На лице горел любви огонь.

Что пред ней ты, утро майское,
Ты, дуброва-мать зеленая,
Степь-трава — парча шелковая,
Заря-вечер, ночь-волшебница!

Хороши вы — когда нет ее,
Когда с вами делишь грусть свою,
А при ней вас — хоть бы не было;
С ней зима — весна, ночь — ясный день!

Не забыть мне, как в последний раз
Я сказал ей: «Прости, милая!
Так, зная, бог велел — расстанемся,
Но когда-нибудь увидимся...»

Вмиг огнем лицо все вспыхнуло,
Белым снегом перекрылось, —
И, рыдая, как безумная,
На груди моей повиснула.

«Не ходи, постой! дай время мне
Задушить грусть, печаль выплакать,
На тебя, на ясна сокола...»
Занялся дух — слово замерло...

Александр Николаевич Островский

1823—1886

СНЕГУРОЧКА

(Отрывок из пьесы)

Пролог

ЛИЦА:

Весна-Красна.

Дед-Мороз.

Девушка-Снегурочка.

Леший.

Масленица — соломенное чучело.

Бобыль Бакула.

Бобылиха, его жена.

Берендеи обоего пола и всякого возраста.

Свита Весны, птицы: журавли, гуси, утки, грачи, сороки, скворцы, жаворонки и другие.

Начало весны. Полночь. Красная горка, покрытая снегом. Направо кусты и редкий безлистный березник; налево сплошной частый лес больших сосен и елей с сучьями, повисшими от тяжести снега; в глубине, под горой, река; полыньи и проруби обсажены ельником. За рекой Берендеев посад, столица царя Берендея: дворцы, дома, избы — все деревянные, с причудливой раскрашенной резьбой; в окнах огонь. Полная луна серебрит всю открытую местность. Вдали кричат петухи.

Явление первое

Леший сидит на сухом пне. Все небо покрывается прилетевшими из-за моря птицами. Весна-Красна на журавлях, лебедях и гусах спускается на землю, окруженная свитой птиц.

Леший

Конец зиме пропели петухи,

Весна-Красна спускается на землю.

Полночный час настал, сторожку Леший
Отсторожил, — ныряй в дупло и спи!

(Проваливается в дупло.)

Весна-Красна спускается на Красную горку в сопровожде-
нии птиц.

Весна-Красна

В урочный час обычной чередою
Являюсь я на землю берендеев,
Нерадостно и холодно встречает
Весну свою угрюмая страна.
Печальный вид: под снежной пеленою
Лишенные живых, веселых красок,
Лишенные плодотворящей силы,
Лежат поля остывшие. В оковах
Игривые ручьи, — в тиши полночи
Не слышно их стеклянного журчанья.

Леса стоят безмолвны, под снегами
Опущены густые лапы елей,
Как старые, нахмуренные брови.
В малинниках, под соснами стеснились
Холодные потемки, ледяными
Сосульками янтарная смола
Висит с прямых стволов. А в ясном небе
Как жар горит луна и звезды блещут
Усиленным сиянием. Земля,
Покрытая пуховою порошей,
В ответ на их привет холодный кажет
Такой же блеск, такие же алмазы
С вершин деревьев и гор, с полей пологих,
Из выбоин дороги прилощенной.
И в воздухе повисли те же искры,
Колеблются, не падая, мерцают.
И все лишь свет, и все лишь блеск холодный,
И нет тепла. Не так меня встречают

Счастливые долины юга, — там
Ковры лугов, акаций ароматы,
И теплый пар возделанных садов,
И млечное, ленивое сиянье
От матовой луны на минаретах,
На тополях и кипарисах черных.
Но я люблю полунощные страны,
Мне любо их могучую природу
Будить от сна и звать из недр земных
Родящую, таинственную силу,
Несущую беспечным берендеям
Обилье жит неприхотливых. Любо
Обогревать для радостей любви,
Для частых игр и празднеств убирать
Укромные кустарники и рощи
Шелковыми коврами трав цветных.

*(Обращаясь к птицам, которые дрожат
от холода.)*

Товарищи: сороки-белобоки,
Веселые болтушки-щекотуньи,
Угрюмые грачи, и жаворонки,
Певцы полей, глашатаи весны,
И ты, журавль, с своей подругой цаплей,
Красавицы лебедушки, и гуси
Крикливые, и утки-хлопотуньи,
И мелкие пичужки, — вы озябли?
Хоть стыдно мне, а надо признаваться
Пред птицами. Сама я виновата,
Что холодно и мне, Весне, и вам.
Шестнадцать лет тому, как я для шутки
И теща свой непостоянный нрав,
Изменчивый и прихотливый, стала
Заигрывать с Морозом, старым дедом,
Проказником седым; и с той поры
В неволе я у старого. Мужчина
Всегда таков: немножко воли дай,
А он и всю возьмет, уж так ведется

От древности. Оставить бы седого,
Да вот беда, у нас со старым дочка —
Снегурочка. В глухих лесных труппах,
В нетающих лядинах возвращает
Старик свое дитя. Любя Снегурку,
Жалеючи ее в несчастной доле,
Со старым я поссориться боюсь;
А он и рад тому — знобит, морозит
Меня, Весну, и берендеев. Солнце
Ревнивое на нас сердито смотрит
И хмурится на всех, и вот причина
Жестоких зим и холодов весенних.
Дрожите вы, бедняжки? Попляшите,
Согреетесь! Видала я не раз,
Что пляскою отогревались люди.

Хоть нехотя, хоть с холоду, а пляской
Отпразднуем прилет на новоселье.

Одни птицы принимаются за инструменты, другие запевают,
третьи пляшут.

Хор птиц

Сбирались птицы,
Сбирались певчи
Стадами, стадами.
Садилась птицы,
Садилась певчи
Рядами, рядами.
А кто у вас, птицы,
А кто у вас, певчи,
Большие, большие?
А кто у вас, птицы,
А кто у вас, певчи,
Меньшие, меньшие?
Орел — воевода,
Перепел — подъячий,
Подъячий, подъячий.
Сова — воеводша,

Желтые сапожки,
 Сапожки, сапожки.
Гуси — бояре,
Утята — дворяне,
 Дворяне, дворяне.
Чирята — крестьяне,
Воробьи — холопы,
 Холопы, холопы.
Журавль у нас — сотник
С долгими ногами,
 Ногами, ногами.
Петух — целовальник,
Чечет — гость торговый,
 Торговый, торговый.
Ласточки-молодки —
Касатки девицы,
 Девицы, девицы.
Дятел у нас — плотник,
Рыболов — харчевник,
 Харчевник, харчевник.
Блинница цапля,
Кукушка — кликуша,
 Кликуша, кликуша.
Красная рожа
Ворона пригожа,
 Пригожа, пригожа.
Зимой по дорогам,
Летом по застрехам,
 Застрехам, застрехам.
Ворона в рогоже,
Нет ее дороже,
 Дороже, дороже.

Из лесу на пляшущих птиц начинает сыпаться иней, потом хлопья снега, поднимается ветер, набегают тучи, закрывают луну, мгла совершенно застилает даль. Птицы с криком жмутся к Весне.

Весна-Красна
(птицам)

В кусты скорей, в кусты! Шутить задумал
Старик Мороз. До утра подождите,
А завтра вам растают на полях
Проталинки, на речке полыньи.
Погреетесь на солнышке немного
И гнездышки начнете завивать.
Птицы уходят в кусты, из леса выходит Мороз.

Явление второе

Весна-Красна, Дед-Мороз

Мороз

Весна-Красна, здорова ли вернулась?

Весна

И ты здоров ли, Дед-Мороз?

Мороз

Спасибо,
Живется мне не худо. Берендеи
О нынешней зиме не позабудут,
Веселая была; плясало солнце
От холоду на утренней заре,
А к вечеру вставал с ушами месяц.
Задумаю гулять, возьму дубинку,
Повыясню, повысеребряю ночку,
Уж то-то мне раздолье и простор.
 По богатым посадским домам
 Колотить по углам,
 У ворот верями скрипеть,
 Под полозьями петь
 Любо мне,
 Любо, любо, любо.

Из леску по дорожке за возом воз,
На ночлег поспешает скрипучий обоз.
 Я обоз стерегу,
 Я вперед забегу,
 По край-поля, вдали,
 На морозной пыли
 Лягу маревом,
Средь полночных небес встану заревом.
 Разольюсь я, Мороз,
 В девяносто полос,
Разбегуся столбами, лучами несметными,
 Разноцветными.
И толкнутся столбы и спираются,
А под ними снега загораются,
Море свету-огня, яркого,
 Жаркого,
 Пышного;
Там сине, там красно, а там вишнево.
 Любо мне,
 Любо, любо, любо.
Еще злей я о ранней поре,
 На румяной заре.
Потянулся к жильям из оврагов полянами,
Подкрадусь, подползу я туманами.
Над деревней дымок завивается,
В одну сторону погибается;
 Я туманом седым
 Заморожу дым.
 Как он тянется,
 Так останется,
По-над полем, по-над лесом,
 Перевесом,
 Любо мне,
 Любо, любо, любо.

Весна

Не дурно ты попировал, пора бы
И в путь тебе, на север.

Мороз

Не гони,
И сам уйду. Не рада старику,
Про старое скоренько забываешь.
Вот я, старик, всегда один и тот же.

Весна

У всякого свой норы и обычай.

Мороз

Уйду, уйду, на утренней заре,
По ветерку, умчусь к сибирским тундрам.
Я соболий треух на уши,
Я оленью доху на плечи,
Побрякушками пояс увешаю;
По чумам, по юртам кочевников,
По зимовкам зверовщиков
Заброжу, заброжу, зашаманствую,
Будут мне в пояс кланяться.
Владычество мое в Сибири вечно,
Конца ему не будет. Здесь Ярило
Мешает мне, и ты меня меняешь
На глупую породу празднoлюбцев.
Лишь праздники считать да браги парить
Корчажные, да вари ведер в сорок
Заваривать медовые умеют.
Весеннего тепла у солнца просят.
Зачем — спроси? Не вдруг пахать возьмется,
Не лажена соха. Кануны править
Да бражничать, весняки петь, кругами
Ходить всю ночь с зари и до зари, —
Одна у них забота.

Весна

На кого же
Снегурочку оставишь?

Мороз

Дочка наша
На возрасте, без няnek обойдется.
Ни пешему, ни конному дороги
И следу нет в ее терем. Медведи
Овсянники и волки матерые
Кругом двора дозором ходят; филин
На маковке сосны столетней ночью,
А днем глухари вытягивают шеи,
Прохожего, захожего блюдут.

Весна

Тоска возьмет меж филинов и леших
Одной сидеть.

Мороз

А теремная челядь!
В прислужницах у ней на побегушках
Лукавая лисица-сиводушка,
Зайчата ей капустку добывают;
Чем свет бежит на родничок куница
С кувшинчиком; грызут орехи белки,
На корточках усевшись; горностайки
В приспешницах сенных у ней на службе.

Весна

Да все ж тоска, подумай, дед!

Мороз

Работай,
Волну пряди, бобровую опушкой
Тулупчик свой и шапки обшивай.
Строчи пестрей олени рукавички.
Грибы суши, бруснику да морошку
Про зимнюю бесхлебницу готовь;
От скуки пой, пляши, коль есть охота,
Чего еще?

Весна

Эх, старый! Девке воля
Милей всего. Ни терем твой точеный,
Ни соболи, бобры, ни рукавички
Строченые не дороги; на мысли
У девушки Снегурочки другое:
С людьми пожить; подружки нужны ей
Веселые да игры до полночи,
Весенние гулянки да горелки
С ребятами, покуда...

Мороз

Что покуда?

Весна

Покуда ей забавно, что ребята
Наперебой за ней до драки рвутся.

Мороз

А там?

Весна

А там полюбится один.

Мороз

Вот то-то мне и нелюбо.

Весна

Безумный

И злой старик! На свете все живое
Должно любить. Снегурочку в неволе
Не даст тебе томить родная мать.

Мороз

Вот то-то ты некстати горяча,
Без разума болтлива. Ты послушай!
Возьми на миг рассудка! Злой Ярило,
Палящий бог ленивых берендеев,

В угоду им поклялся страшной клятвой
Губить меня, где встретит. Топит, плавит
Дворцы мои, киоски, галереи,
Изящную работу украшений,
Подробностей мельчайшую резьбу,
Плоды трудов и замыслов. Поверишь,
Слеза примет. Трудись, корпи, художник,
Над лепкою едва заметных звезд —
И прахом все пойдет. А вот вчера
Из-за моря вернулась птица-баба,
Уселась на полынь широкой
И плачется на холод диким уткам,
Ругательски бранит меня. А разве
Моя вина, что больно тороплива,
Что с теплых вод, не заглянувши в святцы,
Без времени, пускается на север.
Плела-плела, а утки гоготали,
Ни дать ни взять в торговых банях бабы;
И что же я подслушал! Между сплетень
Такую речь сболтнула птица-баба, —
Что, плавая в заливе Ленкоранском,
В Гилянских ли озерах, уж не помню,
У пьяного оборвыша факира
И солнышка горячий разговор
Услышала о том, что будто Солнце
Собирается губить Снегурку; только
И ждет того, чтоб заронить ей в сердце
Лучом своим огонь любви; тогда
Спасения нет Снегурочке, Ярило
Сожжет ее, испепелит, растопит.
Не знаю как, но умертвит. Доколе ж
Младенчески чиста ее душа,
Не властен он вредить Снегурке.

Весна

Полно!

Поверил ты рассказам глупой птицы!
Недаром же ей кличка — баба.

Мороз

Знаю

Без бабы я, что злой Ярило мыслит.

Весна

Отдай мою Снегурочку!

Мороз

Не дам!

С чего взяла, чтоб я такой вертушке
Поверил дочь?

Весна

Да что ж ты, красноносый,
Ругаешься!

Мороз

Послушай, помиримся!
Для девушки присмотр всего нужнее
И строгий глаз, да не один, а десять.
И некогда тебе, и неохота
За дочерью приглядывать, так лучше
Отдать ее в слободку Бобылю
Бездетному, на место дочки. Будет
Заботы ей по горло, да и парням
Корысти нет на бобылеву дочку
Закидывать глаза. Согласна ты?

Весна

Согласна, пусть живет в семье бобыльской;
Лишь только бы на воле.

Мороз

Дочь не знает
Любви совсем, в ее холодном сердце
Ни искры нет губительного чувства;
И знать любви не будет, если ты
Весеннего тепла томящей неги,
Ласкающей, разымчивой...

Весна

Довольно!
Покличь ко мне Снегурочку.

Мороз

Снегурка,
Снегурушка, дитя мое!

Снегурочка
(выглядывает из лесу)

Ау!

(Подходит к отцу.)

Явление третье

Весна, Мороз, Снегурочка, потом Леший.

Весна

Ах, бедная Снегурочка, дикарка,
Поди ко мне, тебя я приголублю.

(Ласкает Снегурочку.)

Красавица, не хочешь ли на волю?
С людьми пожить?

Снегурочка

Хочу, хочу, пустите!

Мороз

А что манит тебя покинуть терем
Родительский, и что у берендеев
Завидного нашла?

Снегурочка

Людские песни.
Бывало я, прижавшись за кустами

Колючими, гляжу не нагляжуся
На девичьи забавы. Одинокой
Взгрустнется мне, и плачу. Ах, отец,
С подружками по алую малину,
По черную смородину ходить,
Аукаться; а зорькою вечерней
Круги водить под песни, — вот что мило
Снегурочке. Без песен жизнь не в радость.
Пусти, отец! Когда, зимой холодной,
Вернешься ты в свою лесную глушь,
В сумеречки тебя утешу, песню
Под наигрыш метели запою
Веселую. У Леля перейму
И выучусь скорехонько.

Мороз

А Леля

Узнала ты откуда?

Снегурочка

Из кусточка

Ракитова; пасет в лесу коровок
Да песенки поет.

Мороз

Почем же знаешь,
Что это Лель?

Снегурочка

К нему девицы ходят
Красавицы, и по головке гладят,
В глаза глядят, ласкают и целуют.
И Лелюшком и Лелем называют,
Пригоженьким и миленьким.

Весна

А разве

Пригожий Лель горазд на песни?

Снегурочка

Мама,

Слыхала я и жаворонков пенье,
Дрожащее над нивами, лебязий
Печальный клич над тихими водами,
И громкие раскаты соловьев,
Певцов твоих любимых; песни Леля
Милее мне. И дни и ночи слушать
Готова я его пастушьи песни.
И слушаешь, и таешь...

Мороз

(Весне)

Слышишь: таешь!
Ужасный смысл таится в этом слове.
Из разных слов, придуманных людьми,
Страшней всего Морозу слово: таять.
Снегурочка, беги от Леля, бойся
Речей его и песен. Ярым солнцем
Пронизан он насквозь. В полдневный зной,
Когда бежит от Солнца все живое
В тени искать прохлады, гордо, нагло
На припеке лежит пастух ленивый,
В истоме чувств дремотной подбирает
Лукавые заманчивые речи,
Коварные обманы замышляет
Для девушек невинных. Песни Леля
И речь его — обман, личина, правды
И чувства нет под ними, то лишь в звуки
Одетые палящие лучи.
Снегурочка, беги от Леля! Солнца
Любимый сын-пастух, и так же ясно,
Во все глаза, бесстыдно, прямо смотрит,
И так же зол, как Солнце.

Снегурочка

Я, отец,
Послушное дитя; но ты уж очень

Сердит на них, на Леля с Солнцем; право,
Ни Леля я, ни Солнца не боюсь.

Весна

Снегурочка, когда тебе взгрустнется,
Иль нужда в чем, — девицы прихотливы,
О ленточке, о перстенечке плакать
Серебряном готовы, — ты приди
На озеро, в Ярилину долину,
Покличь меня. Чего б ни попросила,
Отказу нет тебе.

Снегурочка

Спасибо, мама,
Красавица.

Мороз

Вечернею порой
Гуляючи, держися ближе к лесу,
А я отдам приказ тебя беречь.
Ау, дружки! Лепетушки, Лесовые!
Заснули, что ль? Проснитесь, отзовитесь
На голос мой!

В лесу голоса леших.

Ау, ау!

Из сухого дупла вылезает Леший, лениво потягиваясь и зевая.

Леший

Ау!

Мороз

Снегурочку блюдите! Слушай, Леший,
Чужой ли кто, иль Лель-пастух пристанет
Без отступа, аль силой взять захочет,
Чего умом не может: заступись.
Мани его, толкай его, запутай
В лесную глушь, в чащу; засунь в чепыжник
Иль по пояс в болото втисни.

Леший

Ладно.

*(Складывает над головой руки
и проваливается в дупло.)*

Вдали слышны голоса.

Весна

Валит толпа веселых берендеев.
Пойдем, Мороз! Снегурочка, прощай!
Живи, дитя, счастливо!

Снегурочка

Мама, счастья

Найду иль нет, а поищу.

Мороз

Прощай,

Снегурочка, дочурка! Не успеют
С полей убрать снопов, а я вернусь.
Увидимся.

Весна

Пора бы гнев на милость
Переменить. Уйми метель! Народом
Везут ее, толпами провожают
Широкою...

(Уходит.)

Вдали крики: «Честная Масленица!» Мороз, уходя, машет рукой; метель унимается, тучи убегают. Ясно, как в начале действия. Толпы берендеев: одни подвигают к лесу сани с чучелом Масленицы, другие стоят поодаль.

Явление четвертое

Снегурочка, Бобыль, Бобылиха и берендеи.

1-й хор берендеев
(*везущих Масленицу*)

Раным-рано куры запели,
Про весну обвестили.

Прощай, Масленица!

Сладко, воложно нас кормила,
Суслом, бражкой поила.

Прощай, Масленица!

Пито, гуляно было вволю,
Пролило того боле.

Прощай, Масленица!

Мы зато тебя обрядили
Рогозиной, рединой.

Прощай, Масленица!

Мы честно тебя проводили,
На дровнях волочили.

Прощай, Масленица!

Завезем тебя в лес подале,
Чтоб глаза не видали.

Прощай, Масленица!

(*Подвинув санки в лес, отходят.*)

2-й хор

Честная Масленица!

Веселенько тебя встречать, привечать,
Трудно-нудно со двора провожать.

Уж и как нам тебя вертать, ворочать?

Воротись, Масленица, воротись!

Честная Масленица!

Воротись хоть на три денечка!

Не воротишься на три денечка,

Воротись к нам на денечек!

На денечек, на малый часочек!

Честная Масленица!

1 - й хор

Масленица-мокрохвостка!
Поезжай долой со двора,
Отошла твоя пора!

У нас с гор потоки,
Заиграй овражки,
Выверни оглобли,
Налаживай соху!

Весна-Красна,
Наша ладушка пришла!
Масленица-мокрохвостка!
Поезжай долой со двора,
Отошла твоя пора!
Телеги с повети,
Улья из клетки.
На поветь санки!
Запоем веснянки!
Весна-Красна,
Наша ладушка пришла!

2 - й хор

Прощай, честная Маслена!
Коль быть живым, увидимся.
Хоть год прождать, да ведать-знать,
Что Маслена придет опять.

Чучело Масленицы

Минует лето красное,
Сгорят огни купальные.
Пройдет и осень желтая
С снопом, с скирдом и с братниной.
Потемки, ночи темные,
Карачуна проводите.
Тогда зима изломится,
Медведь переверотится,
Придет пора морозная,
Морозная-Колядная:
Овсень-коляду кликати.

Мороз пройдет, метель найдет.
Во вьюгах с переветями
Прибудет день, убудет ночь.
Под крышами, застрехами
Воробки зашевелиятся.
Из лужицы, из наледи
Напьется кочет с курами.
К пригреву, на завалинки
С ледяными сосульками
Из изб ребята высыпят.
На солнышке, на припеке,
Коровий бок нагреется.
Тогда и ждать меня опять.

(Исчезает.)

Бобыль хватается за пустые сани, Бобылиха — за Бобыля.

Бобылиха

Пойдем домой!

Бобыль

Постойте! Как же это?

Неужто вся она? Кажись бы, мало
Погуляно и попито чужого.
Чуть только я маленько разгулялся,
Голодная утробишка чуть-чуть
Заправилась соседскими блинами,
Она и вся — прикончилась. Печаль
Великая, несносная. Как хочешь
Живи теперь да впроголодь и майся
Без Масленой. А можно ль бобылю?
Никак нельзя. Куда тебе деваться,
Бобыльская хмельная голова?

(Поет и пляшет.)

У Бакула бобыля
Ни кола, ни двора,
Ни кола, ни двора,
Ни скота, ни живота.

Бобылиха

Домой пора, бесстыжий, люди смотрят.

Берендеи

Не тронь его!

Бобылиха

Шатался всю неделю;
С чужих дворов нейдет, — своя избенка
Нетоплена стоит.

Бобыль

Аль дров не стало?

Бобылиха

Да где ж им быть? Они не ходят сами
Из лесу-то.

Бобыль

Давно бы ты сказала.
Не скажет ведь, такая, право... Я бы...
Топор со мной, охапки две нарубим
Березовых, и ладно. Подожди!

Идет в лес и видит Снегурочку, кланяется и смотрит несколько времени с удивлением. Потом возвращается к жене и манит ее в лес. В это время Снегурочка отходит и из-за куста смотрит на берендеев, на ее место у дупла садится Леший.

Бобыль

(Бобылихе.)

Смотри, смотри! Боярышня.

Бобылиха

Да где?

(Увидав Лешего.)

Ах, чтоб тебя! Вот невидаль какая.

(Возвращаясь.)

У! пьяница! Убила бы, кажись.

Снегурочка опять возвращается на свое место. Леший уходит в лес.

Один берендей
Да что у вас за споры?

Бобыль

Поглядите!

Диковина, честные берендеи.

Все подходят к дуплу.

Берендеи
(с удивлением)

Боярышня! Живая ли? Живая.
В тулупчике, в сапожках, в рукавичках.

Бобыль
(Снегурочке)

Дозволь спросить, далеко ль держишь путь
И как зовут тебя и величают?

Снегурочка

Снегурочкой. Куда идти, не знаю.
Коль будете добры, с собой возьмите.

Бобыль

К царю отвесть прикажешь, к Берендею
Премудрому в палаты?

Снегурочка

Нет, у вас
В слободке я пожить хочу.

Бобыль

Спасибо
На милости! А у кого ж?

Снегурочка

Кто первый
Нашел меня, тому и буду дочкой.

Бобыль

Да точно ль так, да вправду ли ко мне?

Снегурочка кивает головою.